

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

Проводится анализ актуализации проблемы менталитета в современной гуманитарной науке. Обосновывается необходимость исследования российского менталитета в силу его высокой динамики, активизация которой связана с социально-экономическими и политическими изменениями в обществе на рубеже XX–XXI вв. Рассматривается роль процесса трансформации ментальных основ общества на примере формирования менталитета молодежи в новых социокультурных реалиях.

Ключевые слова: менталитет; ментальность; молодежь; социально-экономические изменения; социокультурное пространство.

На современном этапе развития гуманитарного знания особую актуальность приобрели исследования менталитета российского общества. Этот тренд в современной науке обусловлен целым рядом социально-экономических и политических преобразований, происходящих в российском социуме и вызывающих изменение национального характера, психологического склада народа или же менталитета. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях существует множество интерпретаций термина «менталитет». В контексте нашей статьи более предпочтительно определение менталитета как духовного субстрата, который интерпретируется как *человеческое измерение исторических макромасс*, или же *человеческая активность, объективированная в культурных памятниках* [1].

В приближении к проблеме возникает вполне логичный вопрос: «Почему же все-таки столь живой интерес к проблеме менталитета во всей ее многогранности проявился именно в этот исторический период?» На наш взгляд, принципиально важно ответить на поставленный вопрос, поскольку он и явится той отправной точкой, от которой возможны разноректорные изыскания в рамках обозначенного поля исследования. Менталитет вряд ли можно позиционировать как константный показатель, присущий тому или иному народу. Он выступает лишь в качестве некоей характеристики народа, под которой можно понимать его психологический склад, образ мыслей и прочие социально-психологические особенности, т.е. невозможно рассматривать менталитет в отрыве от его субъекта. В этой связи необходимо отметить, что проблема менталитета – это производная от общефилософской проблемы человека и его изменчивости.

Именно XX в. породил глубинные изменения в экономике, политике и, как следствие, в образе жизни и сознании самого человека. Ряд западных мыслителей современности, в числе которых особенно стоит отметить А. Швейцера, К. Манхейма, Г. Маркузе, Э. Фромма, сходятся во мнении о том, что индустриальное общество обусловило кризис сознания и ряд противоречий, в которых погрязло общество и отдельный индивид [2].

Менталитет подвержен трансформации по причине того, что меняется как индивидуальное, так и массовое сознание в рамках социума. Современному миру присущи очень высокие темпы динамики. Преобразования происходят все быстрее, и порой общество не успевает даже уловить их суть и значимость. У. Бек справедливо назвал наше время «текучей современностью». Современный человек «помещен» в качественно другие

условия жизни, и процесс трансформации сознания и менталитета, а также его структурных компонентов вполне объективен. К. Манхейм в своей книге «Человек и общество в эпоху преобразования» по этому поводу отмечает следующее: «Проблема человека и его изменчивости для многих возникла лишь в результате событий последних лет. Два предрассудка исчезли одновременно: во-первых, вера в устойчивость “народного характера”... Устойчивость народного духа и медленное изменение характера поведения сохраняются до тех пор, пока общество константно и преобразования в нем идут медленно» [3].

Развитие капиталистических отношений имело ряд деструктивных социальных последствий: прежде всего это поляризация социума, изменение социального статуса целых социальных групп и появление новых социальных слоев, социальная напряженность, перетекающая в социальные конфликты. Иными словами, общество претерпело кардинальные изменения, повлиявшие на мировоззрение, систему ценностей, мораль. Это коснулось не только западного социума, но также и российского, хотя и несколько позже. Внедрение капитализма в «спрессованные» сроки в условиях неготовности к социально-экономическим преобразованиям породило еще более глубокий кризис в российском обществе, возымевший тотальные пролонгированные последствия. Процесс трансформации менталитета имеет весьма масштабные темпоральные характеристики и в связи с этим охватывает не одно поколение.

Одна из важнейших проблем, с которой столкнулось российское общество на рубеже веков, – это проблема формирования российского менталитета. Отметим, что российский менталитет нами выделяется как один из исторических ментальных уровней наряду с русским, который является основой, и советским, приобретшим новые свойства в изменившихся политических и социально-экономических условиях и во многом скорректированным под влиянием идеологического фактора.

В отечественных исследованиях сформировались различные точки зрения и оценки изменения менталитета в российском обществе в конце XX – начале XXI в., анализ которых позволит нам аргументировать собственную позицию по данному вопросу.

Один из современных исследователей менталитета Д.В. Полежаев в его структуре выделяет два основных блока: глубинный и внешний, что с теоретической точки зрения проясняет предметную область исследований в рамках обозначенной проблематики [4]. Феномен менталитета состоит в попытке обособления того или

инного общества и индивида, которое реализуется в силу инертности глубинного (малоизменчивого) блока ментальной структуры, основной составляющей которого является бессознательное. Результаты ментальных изменений проявляются в социально-психологических установках, ценностях, ценностных ориентациях и программах действий отдельных индивидов и целых групп. Эти компоненты представляют собой внешний (витальный) блок менталитета, подверженный в большей степени изменениям вследствие воздействия внешних условий.

Аналогичной точки зрения придерживается В.П. Любчак, отмечая изменение менталитета на фоне общей реструктуризации российского общества. При рассмотрении данной проблемы он использует методологический прием двухуровневой структуризации менталитета, которая позволяет обосновать процесс его трансформации. В.П. Любчак позиционирует фундаментальное основание менталитета как часть сознания, наиболее устойчивую к внешним воздействиям. Это связано с его формированием под влиянием природно-климатических, религиозных, географических факторов, которые в русской социально-философской мысли рассматривались как условия формирования основ русского менталитета (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский). В.П. Любчак отмечает, что специфика российского менталитета определяется его фундаментальным основанием [5]. Вторая группа факторов – это социоситуативные (экономический, политический, культурный), предполагающие ситуативную поведенческую рациональность посредством осознания действительности, результаты которой формируются в виде ценностей и стереотипов. Социоситуативный уровень, по мнению исследователя, накладывается на фундаментальное основание менталитета, и именно он более подвержен изменениям [6].

Представляется значимой точка зрения российского философа В.М. Розина о том, что разные типы ментальности (автор отождествляет термины «ментальность» и «менталитет») – это схемы, ориентированные на решение разных задач [7]. То есть в понятия «русский» или «российский менталитет» вкладывается разный смысл, выделяются его различные характеристики в зависимости от того, какова цель использования данного термина. В различных характеристиках русского менталитета, при всей поливариативности взглядов русских религиозных философов, при известной степени их противоречивости, все же существует общая основа, суть которой состоит в признании базовых свойств русского менталитета, таких как доброта, терпимость, общинность, а также душевность, порожденная духовностью.

Современные авторы по-разному осмысливают сущность российского менталитета. Некоторые из них проводят новые терминологические аналогии, так, например, Г.Л. Тульчинский в «Проективном философском словаре», отождествляя российский менталитет с духовным российским опытом (д.р.о.), выделяет следующие характерные ему черты: «...нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом; установка на правду и готовность пострадать за нее; самоценность страдания ... <...>. Ценность реальной

жизни отрицается во имя иной жизни (в потустороннем мире, в «светлом» будущем, за рубежом). Обостренное чувство справедливости обосновывается на установке приоритета интересов общности по отношению к индивиду, его свободе и достоинству. Основная тема д.р.о. – противостояние власти и народа...» [8]. На наш взгляд, в определении Г.Л. Тульчинского прослеживается акцентуация на характеристиках переходного состояния советского менталитета к российскому.

Другие авторы выделяют такие составляющие российской ментальности, как разрыв между настоящим и будущим, исключительная поглощенность будущим, отсутствие личностного сознания, а потому и ответственности за принятие решений в ситуациях риска и неопределенности... открытость и всеотзывчивость.

Сторонники точки зрения о том, что российский менталитет не приобрел кардинальных отличий от советского менталитета, например Ю.А. Левада и Л.Д. Гудков, маркируют советского и постсоветского человека сходными социальными качествами:

– массовидный, *усредненный* (т.е. ориентирующий на норму «быть, как все»);

– «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, ориентирующийся на упрощенные образцы отношений, более того, выдвигающий свою примитивность и бедность как «достоинство», как «превосходство» над другими;

– хронически *недовольный* человек, прежде всего тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов и того, что ему «дано» [9].

При этом они подчеркивают, что новые реалии наложили некоторый отпечаток на мировоззрение, но мировосприятие все-таки было сформировано в условиях тоталитарного советского режима.

Стоит согласиться, что в период социальной аномии в 1990-е гг. переходное (аморфное) состояние всей социальной системы было спроецировано на отдельные ее компоненты, в частности на социальные группы и на индивида. В этой связи и менталитет претерпевал переходное состояние, характерные черты которого в своей работе зафиксировал Л.Д. Гудков. Вместе с тем при рассмотрении российского менталитета на современном этапе функционирования социума очевидно оформление более четких контуров, отличающих его от менталитета советского общества. Возникновение новых социальных слоев и прослоек на фоне углубления социального неравенства и изменения социального статуса, ранее существовавших структурных компонентов, заставляет обратить исследовательское внимание на категорию «ментальность», которая в большей степени отражает мировоззрение и психический склад различных слоев крайне поляризованного общества.

Процесс изменения менталитета, с одной стороны, объективно обусловлен развитием общества, а с другой, по ряду причин, представляется весьма значимой социальной проблемой. Одна из них состоит в изменении уровня нравственной составляющей в обществе, сущности отношения к человеку. Данный аспект трансформации менталитета особенно актуален для российской дей-

ствительности, поскольку его изменение оказалось сопряженным с процессом вестернизации.

Вопрос о пути развития России всегда был дискуссионным и вызывал много споров еще в XIX в. Через столетие он вновь актуализировался, но уже в преломлении к новым социальным реалиям. Сегодня тоже существует несколько точек зрения по поводу развития России и, в частности, роли вестернизации в нем. И.В. Мостовая и А.В. Скорик артикулируют их в своей статье в виде гипотез [10]. Первый подход состоит в том, что России необходимо вернуться к цивилизационному пути развития, с которого она сбилась, т.е. принять стандарты европейского (американского) социального устройства. Второй подход выражается в позиционировании России как азиатской страны, в которой базисом выступает власть, а не экономика, и в силу этого рациональное реформирование труднодостижимо. В основе третьего подхода лежит идея о специфике геополитического положения России – между западной и восточной цивилизациями, смешение социокультурного опыта которых и выражается в самости, присущей России. При этом неопределенность тяготения к одной из двух цивилизаций и вызывает социальную напряженность, неустойчивость в российском обществе, которая затрудняет реализацию потенциала развития страны и народа.

В ответ на трактовку рядом авторов вестернизации как естественного социального процесса хотелось бы отметить, что все-таки вестернизация России в 90-е гг. имела мало общего с заимствованием инокультурного социального опыта и даже с социокультурной экспансией Запада. В кратчайший срок на руинах системы советских ценностей, в основе которых лежал принцип коллективизма и общечеловеческие идеалы, стали внедряться псевдоценности (гедонизм, крайний индивидуализм, нигилизм), несопоставимые с мировоззрением большинства россиян, к тому же часто несвойственные и западному обществу. В результате того, что российское общество переросло общинное сознание, пропаганда индивидуализма как основы нового мировоззрения привела к колоссальной атомизации социума, разрыву социальных связей, к углублению социального неравенства, эскалации социальной напряженности и т.д.

Характерная черта русского характера – открытость, способность воспринимать, о которой писали Н. Бердяев, И.А. Ильин, – стала его уязвимой стороной на рубеже веков. В условиях нестабильности, аморфности социальной системы проявилась слабость ментального иммунитета. Современный исследователь И. Монахова полагает, что «русский менталитет славится своей всепоглощаемостью, всеядностью, всеперевариваемостью. То есть он может поглотить и переварить, кажется, все что угодно, попавшее на его территорию, и превратить во что-то себе подобное, в себя» [11]. Исторический опыт подтверждает сказанное, при этом оказалось, что, идеи, принципы, установки усваивались в том виде, в котором поступали в российское социокультурное пространство. Способность к рефлексии была сведена к минимуму, и наиболее уязвимой категорией населения оказались подростки и молодежь в силу лабильности молодежного сознания.

В современной общественной науке молодежь рассматривается как часть общества в возрасте 15–29 лет. В качестве группообразующего признака или же основной функции данной категории населения выступает процесс социального взросления, который предполагает формирование системы ценностей, ценностных ориентаций, установок, т.е. мировоззрения в целом. Процесс социализации обуславливает основную существенную характеристику молодежи – транзитивность (переходность). В.А. Луков трактует суть транзитивности в постепенном переходе молодежи от роли объекта социализации к роли ее субъекта [12].

Степень социальной рефлексии молодежи значительно ниже, чем у старшего поколения, что объясняется недостатком жизненного опыта. В комплексе выше приведенные характеристики позволяют сделать вывод о высокой эффективности воздействия на молодежное сознание со стороны институтов социализации, в числе которых важное место заняли СМИ.

Изменения социокультурного пространства и в целом информационного поля, в условиях которого формируются идеалы и ценности современного человека, во многом обусловлены процессом глобализации. Противоречивость последствий глобализации проявилась, в частности, в формировании менталитета молодежи.

С одной стороны, информационная глобализация способствовала развитию новых коммуникативных практик, увеличению информационных возможностей простого обывателя, увеличению скорости передачи информации, а также переработке больших информационных массивов. Таким образом, глобализация, повысив уровень информированности в обществе, снизила частоту непосредственных межличностных контактов – как в кругу семьи, так и в других социальных группах. Более подверженным виртуализации является сознание молодежи в силу вышеобозначенных причин. Интернет-пространство предлагает возможность реализации множества потребностей: информационной, коммуникативной, творческой, самоидентификации и пр. В результате активного обращения к данному источнику информирования у пользователей (в основном это молодежь) складывается искаженная картина мира. Молодежь постсоветского периода ориентирована на восприятие глобализированных субкультурных образцов, которые выражены в нормах и знаково-символической системе, при этом социальный опыт старших поколений не всегда представляется для нее значимым.

С другой стороны, глобализация активировала противостояние Восток – Запад, определив ядро мировой системы. Несмотря на макросоциальные характеристики, процессы мирового развития проецируются на микроуровень. Тенденция унификации культуры на основе западных социокультурных образцов встретила неприятие в странах Востока, где доминирует религиозный фактор. Вследствие этого осложнился вопрос культурной идентификации. Процесс исламизации общества обозначил основы новых мировоззренческих конструктов. Несколько утратило свое значение в процессе формирования менталитета христианство, которое некогда выступало основой русского менталитета. В условиях поликонфессиональности общества, которую

можно рассматривать как результат провозглашенной свободы совести, религия играет второстепенную роль в формировании мировоззрения и менталитета.

Таким образом, формирование менталитета молодого поколения происходит в кардинально измененных условиях. Вместе с тем стоит учесть, что молодежь – это далеко не однородная демографическая общность, ее можно дифференцировать по ряду критериев. С точки зрения ментальных характеристик, на наш взгляд, особо значимым представляется территориальный критерий. Сельская местность пребывает на периферии глобализационных изменений, что позволило сохранить там ряд традиционных устоев в организации социальной жизни. Ускорение темпа жизни затронуло в большей мере городское пространство, характеризующееся в современной социально-философской мысли термином «текущая современность». Высокая пластичность присуща и менталитету, формируемому городским пространством. В этой связи стоит дифференцировать менталитет молодежи на

такие социогрупповые формы ментальности, как ментальность городской и сельской молодежи. Изучение специфики каждой из них, на наш взгляд, представляет интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Очевидно, что менталитет – это характеристика нравственного уровня общества, обусловленная спецификой конкретного исторического периода. Изменение менталитета представляет собой своего рода индикатор социального развития и является его естественным последствием. Социальное время и менталитет взаимообусловлены. Вместе с тем проблематично выявить те или иные закономерности процесса трансформации менталитета, поскольку он может проходить под воздействием как объективных, так и субъективных факторов.

Менталитет определяет социальное поведение и социальный порядок. В этой связи исследования менталитета и его динамики имеют не только теоретическое, но и прикладное значение, обусловленное изучением витального блока менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов н/Д, 1994. С. 59.
2. Кризис сознания : сборник работ по философии кризиса. М. : Алгоритм, 2009. 272 с.
3. Манхейм К. Возрастание иррациональных элементов в общественном сознании. Атмосфера ожидания насилия // Кризис сознания: сборник работ по философии кризиса. М. : Алгоритм, 2009. С. 12.
4. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. С. 338.
5. Любчак В.П. Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 5(95), сентябрь. С. 22–26.
6. Любчак В.П. Исследование менталитета: двухуровневая структура // Молодой ученый. 2012. № 6. С. 211–212.
7. Розин В.М. Метаморфозы российского менталитета: Философские этюды. М. : Либроком, 2011. С. 46–47.
8. URL: <http://hpsy.ru/public/x3019.htm>
9. Гудков Л.Д. Социология Юрия Левады. Опыт систематизации // Вестник общественного мнения. 2007. № 4.
10. Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской реальности // Полис. 1995. № 4. С. 69–76.
11. Монахова И. Изменение менталитета. М. : Старклайт, 2008. С. 7.
12. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М., 1999. С. 150.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 12 декабря 2012 г.